

1

«Я должна как-то выпутаться из этой истории». Елена затор-моженно рассматривает темное пятно от чашки с кофе на белой ламинированной поверхности стола. «Я должна как-то выпутаться из этой истории». Весь ее мир рушится, поэтому вот сейчас, в этот момент, она останавливает взгляд на чем-то таком маленьком и незначительном. Заставляет себя поднять глаза, осматривает полицейский участок, пытаясь сосредоточиться на бумажке, которую вручил полицейский. «Права арестованных» — вот что это. Она может воспользоваться услугами адвоката, может не рассказывать все полиции, может получить еду и питье. А также имеет право на 800 крон компенсации, если была неправомерно задержана более чем на десять минут. Как долго она уже сидит здесь? Во всяком случае больше десяти минут.

— Вы прочитали? — заглядывает ей в глаза полицейский, сидящий напротив: молодой сухощавый парень не старше тридцати лет в мундире явно не своего размера.

Рядом с ним сидит его коллега, чуть постарше, в сером костюме, из-под которого виднеется белая рубашка. Пока он не проронил еще ни единого слова.

— Да.

— И все-таки вы отказываетесь от адвоката?

— Отказываюсь.

Полицейский в мундире бросает взгляд на коллегу. Тот откашливается:

— Фру Сёдерберг, вы понимаете, почему вы здесь находитесь?

Ответить Елена не успевает: все помещение участка вдруг освещается вспышкой фотоаппарата, слепящей и ее, и полицейских. Сердитый крик вскочившего со стула старшего:

— Можно убрать этих фотографов от окон?!

Елена оборачивается — и ее лицо еще раз освещает вспышка. Она на мгновение поднимает обе руки, будто капитулирует. Они получили то, за чем пришли: фото знаменитой Елены Сёдерберг, находящейся под арестом, в наручниках, униженной, подавленной.

— Уберите их оттуда! — снова командует старший.

Несколько молодых полицейских бросаются на улицу, оставшиеся опускают жалюзи. Но ей сейчас это безразлично. Пусть фотографируют что хотят.

— Фру Сёдерберг, — обращается к ней полицейский, делая глубокий вздох и поправляя рубашку, — нам с вами придется пройти еще некоторые процедуры. Мы сделаем анализ ДНК, возьмем отпечатки пальцев... и тому подобное. Возможно, это займет около часа. Вам понятно?

— Да. Хорошо.

— После этого вас поместят в камеру до тех пор, пока не отведут к судье. — Он внимательно смотрит на нее.

Чего он ожидает? Чтоб она что-нибудь сказала?

— Но сначала я обязан зачитать вам обвинение.

Она снова не произносит ни слова.

Старший медлит, будто думает, что ему делать, но все-таки решается и лезет за своими очками в карман пиджака. Создается впечатление, что ему не хочется этим заниматься. Читает он медленно, чисто механически, словно в его руках инструкция к новой кухонной плите:

— Елена Сёдерберг, вы обвиняетесь в преднамеренном убийстве Луизы Андерсен согласно статье 237.

Елена смотрит ему в глаза. И это все? Это звучит как какая-то неважная ерунда. Преднамеренное убийство. Статья 237. Луиза Андерсен.

Остальные сотрудники участка, находящиеся вокруг нее, сидящие за столами, а также две женщины-полицейские с короткими стрижками, стоящие возле кофеварки, стараются делать вид, что они не слушают все это. Но в помещении стоит гробовая тишина. Все напряжены и внимательны. Зазвонил телефон, но никто не берет трубку — никто не хочет пропустить ни малейшего эпизода этого действия. Сейчас прямо перед ними

создается история. Люди будут вспоминать об этом дне годами. Вечером, когда полицейские придут домой к своим семьям и сядут ужинать, они станут рассказывать о том, что здесь происходило. Дети будут слушать их с раскрытыми ртами, тараща глаза. Историю о падении могущественной семьи Сёдерберг. Об убийстве некой невинной Луизы Андерсен.

Елена смотрит в глаза молодому полицейскому, потом старшему. Она может сама закончить за них. Они это заслужили.

— Я признаю свою вину, — шепчет она, замечая, как из помещения выходит воздух, как время словно останавливается на месте. — Я убила Луизу Андерсен.

За две недели до этого

2

Луиза просыпается. Каждое утро она открывает глаза, чтобы увидеть одно и то же. Она все еще не может привыкнуть к этому, но не представляет, что могла бы теперь жить иначе. Море. Прямо рукой подать. Окно как иллюминатор — создается впечатление, что она на борту катера. Больше всего на свете она хотела бы жить на катере. Йоахим часто дразнит ее такой перспективой, но она только улыбается. Было бы странно, если бы она, страдающая от морской болезни, даже плывя на катере из Кристиансё в Борнхольм, — и вдруг решила бы жить среди волн. Кровать стоит так, чтобы первым, на что падает взгляд, когда утром открываешь глаза, было море. У Луизы всегда было ощущение, что по морю к ней придет кто-то, кто изменит ее жизнь. Это наверняка глупость, всего лишь ощущение. Но все же она нередко чувствует что-то такое.

Море сегодня спокойное, оно такого темно-синего цвета, каким бывает только в самый разгар лета. В небе нет ни облачка, на улице слышен шум голосов. Туристы уже встали и отправились гулять. Луиза видит женщину с детской коляской и пожилую пару, сидящую на скамейке. Она часто наблюдает за ними, они всегда там сидят. Двое из девяноста трех

постоянных жителей этих островов. Будут ли они с Йоахимом когда-нибудь так же сидеть здесь? Эта романтическая мысль задерживается в голове Луизы лишь на несколько секунд. Пока ее не прогоняет какой-то высокий мужчина среднего возраста в костюме. Он наверняка не живет постоянно на острове — один из тысяч туристов, приезжающих сюда каждое лето. Мужчина стоит перед террасой кафе. Беспокойный, раздерганный, какой-то неуравновешенный, как будто что-то ищет. Или, может, он пьян? Луиза закрывает глаза, как вдруг ее внимание привлекает какой-то звук. Неужели это тот же звук, что разбудил ее? Тот, которого ей так не хватало?

Женщина отбрасывает одеяло в сторону и становится на пол. Ощущает нагретое солнцем дерево паркета под ногами. Выходит на цыпочках из спальни и направляется по коридору к закрытой двери. Некоторое время стоит не двигаясь и чувствует, как ее лицо расплывается в широкой улыбке. Вообще-то ее лицо уже отвыкло улыбаться. Он пишет. Йоахим пишет по-настоящему. И не так, с переборами и разочарованием, как она часто замечала в последнее время. В такие дни отсюда, из-за двери, казалось, будто он сражается с клавиатурой, и когда он затем выходил, то был похож на человека, вернувшегося с войны: раскрасневшийся, вспотевший, с опухшим лицом. Сегодня звук был совершенно другим. Это был гармоничный стук пальцев, барабаниющих по клавиатуре, — он ясно говорил о свободе и жажде творчества.

Луиза вспоминает, как они впервые встретились. Это одно из ее любимых воспоминаний. Когда еще Йоахим писал, когда весь мир был в его власти и когда он ворвался в ее жизнь. Он приходил почитать в переполненном кафе. Ей было почти сорок, а он был на десять лет старше и на десять сантиметров выше. Она помнит ту уверенность в себе, которая чувствовалась в нем, его густые седые волосы, то, как он смотрел на слушателей поверх своих дешевых очков, читая при этом книгу. Она увлеклась им, он захотел ее — в этом она несколько не сомневалась. Ей казалось, он был слишком поспешным, и ей снова и снова так кажется, хотя она уже давно знает, что это скрывает совсем другие его стороны: уязвимость и неуверенность.

Она нажимает на ручку двери настолько беззвучно, насколько получается, и проскальзывает в кабинет. Он даже не оборачивается — продолжает писать. Чудесно, его нельзя останавливать. Так долго ему это давалось с трудом! Сначала он принялся было писать новый роман, но потом забуксовал. Раньше с ним такого не случалось: до этого он писал постоянно. Но здесь, на острове, так уже было несколько раз, и Луиза замечала его обеспокоенность. Это можно сравнить с импотенцией, объяснял он. Нет, это даже хуже. Тогда Луиза думала о том, что он, *по крайней мере*, не стал импотентом. Но она еще не знала, насколько это хуже.

Пока он боролся с этим, у Луизы начались проблемы в кафе. Она недооценила, сколько хлопот оно ей доставит. Ведь она уже стала там не нанятой сотрудницей, обязанной просто вписаться в устоявшуюся, созданную кем-то систему. Нет, теперь ей пришлось учиться всему с самого начала и даже научиться быть чьим-то начальником, хотя ей казалось совершенно естественным быть тем, кем ее назначили.

Но вот наконец-то ее жизнь стала более спокойной. В небольшой степени этому способствовало появление в кафе Лины. Она была бесценным сокровищем: старательная, амбициозная и ответственная. Именно благодаря ей Луиза могла позволить себе этот выходной день. Сегодня она будет наслаждаться тем, что Йоахим снова с ней.

Он прекращает печатать, поворачивается и смотрит на нее поверх очков, как он всегда делает во время перерыва.

— Я помешала? — улыбается Луиза. — Я не нарочно.

Йоахим встает. Два шага, и вот он уже рядом с ней. Какой-то миг он стоит и смотрит на нее, потом его руки легко обнимают ее бедра. Он целует ее. Одна рука скользит по ней от бедра до шеи, а затем уже не просто касается, а прижимает ее к себе. Вот он прислоняет ее к стене и стаскивает через голову ее ночнушку. Она спускает трусики и остается голой. Одной рукой он расстегивает пуговицы на брюках, а другой по-прежнему обнимает ее за шею и целует. Он входит в нее. Ее тело чувствует его желание, как и взгляд, прикованный к ее лицу, — кожа принимает все это и впитывает в себя. Этот взгляд вселяет в нее жизнь.